

Антон МОИСЕЕВ, Николай АСОНОВ

ИСКУССТВО, ВОЗДУХ И ВЛАСТЬ

В статье рассматривается роль искусства в формировании нужного государственной власти типа авиатора и значение воздушного пространства для реализации ее политических задач, грозящих мировой катастрофой.

The article discusses the role of art in shaping the type of aviator desired by the state as well as the value of airspace to achieve its political objectives which may lead to the global catastrophe.

Ключевые слова:

власть, авиация, искусство, культура, политика; authority, aviation, art, culture, politics.

У нас каждому интеллектуально образованному человеку хорошо знакома картина А.А. Пластова «Фашист пролетел». На фоне осеннего пейзажа на ней изображен... «нет, не солдат, убитый под Дубровкой, на окаянном Невском пяточке, а мальчик по-мальчишески неловкий». Когда в 1943 г. эта самая пронзительная антивоенная картина (ее первое название — «Немец пролетел» — позже было изменено в соответствии с новыми политическими требованиями власти) по указанию Сталина экспонировалась на Тегеранской конференции, Рузвельт и Черчилль, по воспоминаниям очевидцев, были настолько поражены этим холстом, что это повлияло на их решение об открытии второго фронта. Ее сюжет, в отличие от написанной на схожую тему «Герники» Пабло Пикассо, не требует дополнительных разъяснений: бессмысленно и беспощадно оборванная жизнь ребенка и материализовавшееся зло в образе ускользающей тени вражеского самолета. Война перечеркнула детский восторг от ощущение своей сопричастности к таинству покорения неба. Звук, исходящий оттуда, стал восприниматься как потенциальная угроза и символ надвигающейся беды.

Немецкий летчик, считавший себя на исходе 1941 г. хозяином нашего неба и наших жизней, мог позволить себе любое безнаказанное зло. И потому стал восприниматься как антигерой воздушной стихии. Ведь он был подан художником как отражение той политической власти, которая его воспитала, научила летать и указала цель его воздушной миссии — уничтожение всего чужого. То есть, всего, что не вписывается в стандарты той части романо-германской цивилизации, которая породила нацизм и фашизм, не признающие никакой иной власти, кроме своей, и, соответственно, иной культуры, включая ее носителей — мирных граждан.

Великая отечественная война, отраженная в живописных полотнах русских художников середины прошлого века, запечатлевших фронтовые будни военных летчиков вражеской армии, не только похоронила детское восхищение небом, но и приземлила саму авиацию как один из важнейших силовых ресурсов политической власти, через который она реализует набор своих ценностей и целей. Немецкий ас был низведен ими с положения полубожественного мифического существа до уровня павшего ангела (беса), что, в частности, нашло свое отражение в картине А.А. Дейнеки «Сбитый ас». Зато нравственное превосходство отечественного авиатора, воспитанное стихами М. Горького и В. Маяковского, кинофильмами конца 30-х гг. и активной пропагандой советского патриотического воспитания, развивало уверенность в правоте и гуманизме не только «красных ангелов», но и тех, кто создавал советскую авиацию под руководством товарища Сталина. Внимание современников привлекала фигура авиатора и как пре-

МОИСЕЕВ

*Антон
Борисович —
полковник полиции;
старший
преподаватель
кафедры социологии
и политологии
МосУ МВД России
MAV@yandex.ru*

АСОНОВ

*Николай
Васильевич —
д.полит.н.,
к.и.н., профессор,
действительный
член АПН;
заместитель
заведующего
кафедрой
политологии и
социологии МПГУ
NBASSONOV@
yandex.ru*

образователя окружающего мира. Это не только отважный, физически развитый воин. Это интеллеktуал-гуманист, в своем стремлении служить людям подобный Данко.

Людская масса каждой страны, имеющей свой воздушный флот, под воздействием политической пропаганды, увязывающей идеальный образ политической власти с ее государственными задачами, хотела видеть в своих летчиках успешных Икаров. Именно фигура летчика — нового представителя новой эры мировой истории — как нельзя лучше отвечала этой потребности дня, воплотив в себе правоту класса — для приверженцев коммунистической идеи; волю нации — для поклонников нацизма; индивидуализм и суверенность — для сторонников либерализма. Летчик почитался как яркий выразитель новой мужественности. Ведь в воздухе нет оборонительных сооружений. Здесь негде спрятаться трусу, и сюда не пойдет тот, кто лишен геройского духа. Война здесь обретает свою мифологическую форму — форму столкновения героя-богатыря и рыцаря со злом. В этом сражении побеждают сильные духом, а не те, кто смог накопить больше снарядов и глубже зарыться в землю. Как писал Эрнст Юнгер, «долг и служба, ум и сноровка, характер и сердце рано придают форму этому молодому лицу. Попробуем взглянуть на этих людей, ведущих самолеты и дирижабли в другие государства, попробуем увидеть в них посланников политической воли, представителей нашей дипломатии, и окажется, что они воплощают собой лучшие силы нашего народа».

Но именно война поставит крест на обожествлении авиации: дипломатия мирного технического прогресса станет дипломатией бомбардировщика, а вражеский летчик превратится в хладнокровного убийцу мирных граждан. Удивительно, но преимущественно военное предназначение авиации не ставилось искусством под сомнение. Самолет изначально рассматривался как новый перспективный вид оружия на службе политической власти и только потом — как фигурант гражданских нужд. Ведь господство в воздухе является прологом господства на земле. И тот, кто сможет завладеть воздушным пространством, сможет диктовать свою политическую

волю всему миру. Вот почему описания грядущих воздушных битв, без которых не мыслилось торжество новой модели общества, отличаются такой степенью политизации. Не случайно поэма В.В. Маяковского «Летающий пролетарий» начинается с масштабного описания воздушного сражения Советской республики с силами буржуазии во главе с США и завершается торжеством пролетарской революции во всем мире. Единственным предостережением в этом смысле стал опубликованный в 1908 г. мрачный роман-антиутопия Г. Уэллса «Война в воздухе» с пророчеством мировой воздушной войны, после которой люди погрузятся в эпоху нового варварства. Показательно, что, наблюдая немецкие бомбардировки Лондона реактивными снарядами, Уэллс отказался следовать за домочадцами в бомбоубежище и написал в кабинете, освещенном заревом пожарищ, свое завещание, в котором обратился к человечеству с потрясающей горечью: «Дурачь! Я же предупреждал вас, так будьте вы прокляты!»

Воспевая авиацию и мужество воинов новой эпохи, мыслители, подобные Юнгеру, даже предположить не могли, что в скором времени за штурвалы самолетов сядет поколение лишенных признаков человеческой духовности, высколченных на превосходстве нации и крови боевых роботов, которые будут убивать не потому, что перед ними враг, а потому, что перед ними другой человек, и по одному этому признаку недостойный жизни. «Мы должны уничтожить как можно больше *бошей* еще до того, как выиграем эту войну», — писал фанатичный последователь идей Джулио Дуэ, командующий бомбардировочными силами Королевских ВВС Великобритании, маршал авиации сэр Артур Харрис в письме на имя своего министра.

Варварские бомбардировки фашистской авиации, равно как и методичное разрушение германских городов англо-американской авиацией, не сыграли решающей роли в ходе боевых действий. Они лишь озлобили население, придав ему волю к борьбе, а идеологической составляющей искусства дали в руки бесценный материал о кровожадности безжалостного противника. И если в начале войны эти пассажи очень точно

характеризовали поведение нацистов как главных виновников вселенского кровопролития, то к концу войны установить разницу между правыми и виноватыми в традиционной системе координат применительно к боевым действиям между воюющими странами уже вряд ли представлялось возможным. Наши союзники в Европе вели странную войну: армады боевых самолетов, проплывая над немецкими батареями, лили свой смертоносный груз на мирное население и культурно-исторические памятники. Подобно немецким пилотам в первые месяцы нашествия на Советский Союз, охваченным веселой страстью, заставлявшей их, словно охотничьих собак, гоняться за отдельными совершенно беззащитными людьми, англо-американские пилоты, охваченные точно такой же страстью, обстреливали на бреющем полете работающих в поле крестьян и даже соб-

ственных соотечественников из числа военнопленных.

Как мы знаем, положение дел с тех пор не изменилось. Более того, оно приняло поистине угрожающий характер мирового масштаба, поскольку развитие средств массового поражения, впервые опробованное в Японии американскими летчиками, не делает разницы между гражданским и военным населением. А расширение воздушного пространства до космических масштабов стало не только отражением роста политических амбиций и противоречий, но и воочию показало, что если сохраняющееся положение вещей не изменится усилиями всего международного сообщества, то наступивший век станет для него последним. Тогда в роли убитого мальчика с картины А.А. Пластова может оказаться все человечество, а место улетающего немецкого самолета займет беспилотный спутник.